

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Жизнь и сценарий (присл. к Сов. культуре) - 1990 - 24 мая (№ 21) - с. 11

— С того дня, как вы, Станислав Владимирович, вошли в зрительный зал Качаловского театра, прошлый год. Что осталось в памяти от того, первого впечатления?

— Приехав в Казань, я увидел традиционную, к сожалению, для всех периферийных городов картину — пеструю репертуарную афишу, где рядом с модным «Собачьим сердцем» существовала вечная «Игра воображения». Днем шли репетиции дешевого французского детектива, а вечером удручал глаз почти пустой зрительный зал. Незадолго до моего приезда местная молодежная газета опубликовала длинную и желчную статью «Игра проиграна». Вскоре в «Советской культуре» появилась горестная исповедь бывшего директора театра под названием «Почему я отказалась от кресла директора»... На мой взгляд, выход был единственный: поставить на прошлом точку.

Для начала мы отказались от гастролей и все лето репетировали новый репертуар. У театра не было творческого лица, на афише значилось множество названий, масса режиссерских фамилий. Были спектакли лучше, были хуже, но претендовать на какую-то эстетическую программу коллектива, взятые все вместе, эти постановки, конечно, не могли. Нам необходимо было уйти от узких, «семейных» тем к более общим, публицистическим. А здесь важно соблюсти грань: с одной стороны, не ставить конъюнктуру, с другой —

Когда Тютюшев приехал в Казань, он был уже человеком известным в театральной провинции: служил до этого главным режиссером в Хабаровске и Ярославле. Это были относительно благополучные театры. В Казани же последний из главных продержался несколько месяцев. Поэтому, когда группа местного Драматического театра — «Мен» В. Н. Качалова узнала, что именно Станислав Тютюшев займет вакантное кресло главного режиссера, это вызвало легкое недоумение.

КОРАБЛЬ ПЛАВЕТ...

чувствовать сегодняшний день, его соотношение со временем и историей. Полгода мы работали — репетировали «Мастера и Маргариту» М. Булгакова, «Дальше... дальше... дальше!» М. Шатрова, эрмандовский «Мандат», «Крутой маршрут» Е. Гинзбург (кстати, на одной из репетиций побывал Василий Аксенов), «Наш Декамерон» Э. Радзинского, «Смирненное кладбище» С. Каледина. В начале ноября открыли сезон, изменив театр и внешне, и по существу. И как результат — полный зал в течение сезона. В будущем я намерен продолжить этот эксперимент — выпускать каждый сезон сразу 5—6 новых спектаклей. Я сказал «эксперимент», но, полагаю, это не совсем точно звучит. Русские театры прежде так и работали. Так что я не изобретаю ничего нового.

— Но в нашей театральной жизни в последние годы ценится именно стабильность: если режиссер прослужил 10—15 лет на одном месте, то считается, что это хороший театр...

— Это не случайно, я думаю. В театре, как в зеркале, отражается вся система управления государством. Если люди, стоящие во главе правительства, могут десятилетиями не уходить со своих постов, даже когда очевидно их непригодность, то почему в театре должно быть по-другому? А ведь кровь у актеров, режиссеров

должна быть цыганская, кочевая! Это заложено в нашей природе. Перемены всегда приносят пользу. И театру, и режиссеру. Если же не менять театр, рано или поздно неизбежно начинается самоповторение.

— То есть, если одна творческая программа выполнена, надо сразу же намечать новую. Но, очевидно, режиссеру приходится соотносить свои творческие планы с той городской культурной средой, в которую он попадает!

— Когда зашел разговор о работе в Казани, я сразу подумал о том, что мне было бы интересно поставить историческую драму Кристофера Марло «Тамарлан Великий». Потому что именно в этом городе так заметно взаимопроникновение двух культур — азиатской и европейской. Возможно, мне удастся когда-нибудь осуществить эту постановку.

Но... тут наше здание решают закрыть на долгожданный и уж, конечно, долгосрочный ремонт! Именно сейчас, когда театр делает первые шаги на пути к своему возрождению... На пороге его двухсотлетия. Скорее всего придется скитаться по клубам и дворцам культуры.

— Грустным может получиться двухактовый юбилей у Качаловского театра...

— В принципе театр может существовать и на задворках, и в подвале — пока у его создателей есть потребность ставить спектакли и играть в них. Я у себя эту потребность ощущаю.

— Сегодня много говорят о кризисе, постигшем театры. Сейчас очень важен путь, по которому пойдет художник и кого он поведет за собой. Недаром все чаще вспоминается постулат Вахтангова — «С художника спросится»...

— Мне трудно судить о масштабах кризиса театра — это дело критиков. Театр — это большой корабль, а не маленькая, легкая лодочка — ему трудно разворачиваться. Но рано или поздно уголь в топку будет загружен, пассажиры займут каюты, и он поплывет... Куда? Меня вдохновляет пример Станиславского, который во время первой русской революции, когда шли бои, репетировал «Горе от ума». Он внушал актерам, что «эзерно» пьесы — не любовная история, а любовь к большому Отечеству. Это и был его ответ на то, что творилось в этот момент на улицах Москвы...

КАЗАНЬ.

Беседу вел
Татьяна МАМАЕВА.
Фото Д. Туманова.